

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

ОГЛАШЕНИЕ XIII

1. Говорят, что птица феникс (ибо есть такая птица, единственная в своем роде, как солнце; живет же она у эфиопов и египтян) избавляется от старости неким необычным способом, отличаясь в этом от орлов. Ибо орел ежегодно сбрасывает перья, как деревья — свои листья, а весною облекается новыми; феникс же изредка и по прошествии многих лет сгорает в солнечном огне и обращается в пепел, после чего восстает живым из мертвого. Таково великое чудо природы, которое, как говорится, вопреки всем законам геометрии¹ подтверждает учение о нашем воскресении из мертвых, а с другой стороны, предоставляет образ той силы, которою обладает сорокадневный пост. Ибо во время поста мы, зажатые в тиски ежегодно совершаемыми грехами, обращаемся в пепел в пламени покаяния, и не только что питаемся прахом, как если бы это был хлеб, но и самих себя называем землею и подлинным прахом; и таким образом, умирая для греха, оживаем для справедливости, плода покаяния, по слову божественного апостола. И подобно тому, как для феникса определенное количество лет служит обновлением, которое дарует новую жизнь умирающему, так и нам сорокадневный период поста дает новую жизнь.

2. Если же кто-то из обладающих наиболее острым умом будет недоумевать, почему мы молодеем, избавляясь от морщин прегрешений, в течение сорока дней, а не большего или меньшего срока, то пусть знает, что, как говорят, плод во чреве образуется именно за сорок дней. Итак, именно то время, которое необходимо для нашего физического формирования, должно быть затрачено и на духовное преобразование и приближение к благородству образа Божия. Посему сперва Моисей, а после него Илия оба использовали сорокадневный пост, чтобы преобразить испорченный идолопоклонством Израиль и вернуть его к образу благочестия; второй же и небесный Адам также начал возрождение первого и земного, недоношенного по причине чревоугодия, с такого же поста. Вот и мать наша Церковь, вновь и вновь рождая собственных чад, как Павел — галатов, в течение сорока дней поста, покуда не запечатлеется в них более совершенный образ Христа, создает в нас боговидные признаки добродетели.

3. Надо полагать, что и жена, описанная в Иоанновом откровении есть мать наша Церковь. Это явствует из того, как она рождает: *И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей мук и рождения* (Откр. 12, 1–2). Ибо Церковь, облеченная в солнце, рождает Солнце правды, Христа; она увенчана обручем из двенадцати проповедников, и попирает всё, лежащее под луной, потому что жительство имеет на небесах; однако плод духовного чрева, то есть святой

купели, порождается ею без болей и криков, а скорее с радостью, поскольку вторное рождение посредством омовения не сопряжено со страданием. Однако, когда те, кто был порожден Церковью, став благодаря ей из душевных духовными, подвергаются опасности, положив начало в духе, закончить плотью, тогда-то она вновь рождает их в покаянии. Тогда-то и испытывает она тяжкие родовые муки, и, страдая, взывает, подобно апостолу Павлу: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас* (Гал. 4, 19–20). Так разве в криках какой-нибудь матери, впервые рождающей младенца, слышится такое страдание, как в этих словах апостола, вторично испытывающего родовые муки из-за галатов? Разве какая-нибудь роженица, близкая к часу родов, издает столь жалобный вопль? Итак, Церковь, по-апостольски исправляя тех, кто оскверняет образ благочестия во Христе, рождает их в тяжких муках, словно новых *сынов болезни* (Быт. 35, 18), как Вениамин у Ревекки. Ибо тогда она бывает мучима умилением и сокрушением сердца, постом, плачем и иными страданиями, как будто ее терзает «Илифия, помощная мукам родящих»². Страшась выкидыша, который уже невозможно исцелить, принимает она во чреве и, по словам Исаяи, порождает *дух спасения* (Ис. 26, 18), не препятствуя череде многочисленных болей заботиться о нашем преображении.

4. Поскольку же и ныне, о возлюбленнейшие чада Церкви, настало время такого преобразования, то не будем отвергать уз нашей духовной матери, чтобы нас не сочли недоношенным плодом, словно тех грешников, что отреклись от материнского чрева. Поскольку же творение не должно противоречить творцу, то и мы предоставим той, что породила нас, наилучшим образом создав и произведя на свет, заново родить явившихся на свет недоношенными и заново создать уничтоженных. *Се, якоже брение в руку скудельника, тако вы есте... в руку мою* (Иер. 18, 8); так не засохнем же, словно глина, в то время как Церковь лепит из нас новый сосуд, и не будем противиться ее предписаниям. Церковь требует лишить себя пищи и сна, пребывать в покое, молиться, плакать? Не будем противоречить, как сыны беззакония: «Какой же вред от того, чтобы есть и спать? Да и какой может быть покой у работника, ежедневно добывающего себе скудную пищу трудом рук своих?» Разве вы не видели, как матери, воспитывая новорожденных чад, и руки им вытягивают, и ноги направляют, и каждый член их тела стискивают и растирают, а потом связывают их пеленками, словно узников, повинных в преступлении, и отмеряют капли молока? Так как же вы хотите, чтобы Церковь, наша духовная мать, воспитывала нас безо всяких усилий и безболезненно, в то время как те матери, хоть они, будучи матерями лишь по плоти, и заботятся лишь о плотских телах, которые к тому же по большей части и так находятся в порядке, тем не менее столь трудолюбиво растят младенцев, не останавливаясь и перед скорбями? А Церковь, приводящая в порядок искаженные и пересозданные лукавым души, может ли осуществить такое дело без труда и печали?

5. Итак, необходимо повиноваться церковным законам, сколь бы трудным и болезненным это ни казалось. Вспомним, как праотец наш Иаков поначалу опасался угостить отца Исаака вперед своего брата Исава, чтобы удостоиться за это отеческого благословения: ведь, будучи изблещенным, он, конечно, рисковал заслужить вместо благословения проклятие. Услышав же слова матери: «*на мне клятва твоя, чадо*» (Быт. 27, 13), — он, как предлагала Ревекка, довольно-таки смело сыграл свою роль: надел личину Исава и грубую одежду, и *кожицами козлячими обложил мышцы свои и нагое выш своея* (Быт. 27, 16). Вот на какую коварную хитрость согласился *нелукавый* (Быт. 25, 27) Иаков, чтобы обманом проникнуть к отцу своему; согласился же, не столько желая заполучить в наследство отцовскую молитву, сколько повинувась настоянию матери, подобно тому, как немного спустя по ее же совету отправился в Междуречье.

6. Так и нам, словно Иакову, духовная Ревекка, то есть Церковь, приказывает принести Отцу небесному его любимые кушанья, которые она умеет готовить. Будем же повиноваться с готовностью, чтобы и попереть плотское мудрование, опередив его, как Иаков Исава, и получить в награду венец благословения. Какковы же любимые кушанья для Бога? Вообще говоря, это, так сказать, наше спасение, ибо *Моя пища*, — говорит Спаситель, — *есть творить волю Пославшего Меня Отца* (Ин. 4, 34); воля же Отца состоит в том, чтобы все спасались через Его Сына и Посредника. Если же рассматривать всё по отдельности, то это наш отказ от еды и питья ради покаяния. Ибо Он алчет такого поста и жаждет добровольной жажды по Богу; и, поскольку пища Его в нашем спасении, то кормится Он, когда мы питаемся хлебом слез, а пьет свое излюбленное питье, когда мы пьем вино сокрушения.

7. Впрочем, коль скоро мы уже вспомнили историю Иакова и Исава, давайте более тщательно рассмотрим ее, и выясним, нельзя ли приготовить тучные письмена таким образом, чтобы предложить их в качестве духовной трапезы. Итак, если мы согласились, что удивительная Ревекка — это наша духовная мать, Церковь, то, следовательно, Исаака надлежит принять за Христа. Оба они единородные сыновья: один Авраама, а Другой — Божий; оба возлюбленные, но оба были принесены отцами в жертву: один — из боголюбия, Другой же — из человеколюбия; и как Исаак, приехав издалека, посватался к Ревекке, так и Христос — к Церкви. Если же Исаак являет настолько очевидный образ Христа, а Ревекка — Церкви, то надлежит выяснить, кого символизируют Исаав и Иаков. И не ясно ли, что Исаав — это первородный иудейский народ, а Иаков происходит из язычников? Но сей первородный сын пренебрег унаследованной им честью, отрекшись от первородства в пользу народа, состоящего из возведенных в сыновнее достоинство выходцев из племен языческих. Ибо он, обоготворяя чрево и жертвуя всем ради желудка, сам не заметил, как отдал старшинство по благодати; а поправ его однажды, попирает и второй раз, когда понадобилось выказать свое расположение отцу и получить взамен Его благословение. Ибо Израиль³, стремясь к закону

справедливости, но полагая, что сможет почтить подателя благословения яствами, взятыми от дел закона, преследовал обманчивую добычу среди извилистых кругов и непроходимых путей закона, соблюдая человеческие заповеди и наставления, а потому задержался и не успел к своей цели.

8. Мы же, уступающие старшинством рождения, но первые в обрезанном слове веры, похищаем благословение Отца небесного, угощая Его любезными Ему яствами, приготовленными Ревеккой, то есть Церковью. Ибо, постясь, молясь и творя милостыню, как это заповедано Церковью, а не по-иудейски, ради человеческой похвалы, тем самым приносим Отцу Его любимые кушанья, в то время как иудей, буквально и телесно исполняющий и прочие предписания закона, обрезает крайнюю плоть, держится за ложные субботы и полагает, что почитает Бога жертвоприношениями животных. Вот почему Бог, Которому неуютны столь приземленные и ничтожные обряды, говорит: *яко вси языцы необрезани плотию, весь же дом Израилев необрезани суть сердца своими* (Иер. 9, 26), и: *сожжений овних и тука агнцев, и крове юнцев и козлов не хошу* (Ис. 1, 11). Напротив, тайный иудей в духе обрезается обрезанием сердца, отсекая всякую нечистую страсть, в покое проводит поистине великолепные субботы, распяв себя для мира и недвижимо пребывая в том же месте духовного упокоения, поскольку не возжигает тот вечный огонь, что разгорается от плотских страстей, и не взваливает на себя тяжкое бремя беззакония, а пребывает в совершенном покое от зол, но не отрекается от своего долга; в жертву же он приносит дух сокрушенный, сожигаемый в покаянии.

9. Поняли, какими яствами предписывает прекрасная Церковь чтить Отца небесного? Итак, не будем противиться, а лучше подчинимся ей, как любящей матери; и не будем смущаться, когда она, помимо первоначальной прекрасной одежды, в которую мы одеваемся сразу после крещения, обкладывает козлиными кожами наши мышцы и *нагое шеи*. Ведь таким образом мы научаемся с покаянием или же смирением говорить: *«Мы рабы ничего не стоящие»* (Лк. 17, 10), и причислять себя к козлицам, чье место ошую, покуда не предстанем *обнаженными и открытыми* (Евр. 4, 13) пред ликом Судии. Ты сделался скверным и блудным, как Исав? Открой свое беззаконие Господу, и услышишь: *руце*, то есть деяния, *руце Исавове, глас же, глас* Иакова, оправданного в покаянии (Быт. 27, 22). Ибо сказано: *Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). И что может быть чудеснее, нежели чье-либо претворение из ненавистного Исав в возлюбленного Иакова? Итак, братия, не должно медлить перед своим воссозданием в покаянии, которое Церковь и всегда возвещает для желающих, в особенности же ныне, в час поста. Между тем речь моя, совершив сие бесполезное отступление, вернулась к своему началу, а именно, к тому, как должно ходить в новой жизни, отвергнув ветхого человека.

10. А о том, как такое состояние достигается, можно узнать от Павла, изъясняющего образ сего обновления: *насколько внешний человек тлеет, настолько же*

внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). Тлеет же он, конечно, от перенесения либо вольных, либо невольных трудов. Ведь либо мы добровольно губим сего видимого и внешнего человека постом и коленопреклонениями, бдениями и слезами, или иными деяниями, ослабляющими тело, обновляя по мере его тления человека скрытого, либо подвергаемся преобразованию из-за невольных искушений, своевременно посылаемых общим Целителем, то есть бесчестия, болезни, нищеты либо лишения самых дорогих для нас вещей. Необходимо либо очиститься здесь, вольно или невольно, чтобы через очистительный огонь сих искушений пройти к тамошнему облегчению, либо, оставшись нечистыми, попасть в тамошнее наказующее пламя. А из него уже не выбраться тому, кто попал туда однажды. Ведь что бы там ни болтал Ориген о конечности наказания⁴, в действительности тот карающий огонь негасим и вечен, подобно неумирающему червю (Мк. 9, 44), — и, конечно, по справедливости.

11. Ибо говорит [Господь]: «Чего только я не сделал для своего виноградника из того, что следовало сделать? Не окружил ли его естественным законом, не защитил ли писаным? Не орошал ли его пророческими облаками? Не послал ли сына своего и наследника?» А для вас Он мог бы присовокупить и следующее: «Разве не усыновил я вас в купели второго рождения? А когда вы отвергли Меня, разве не принял вас вновь в покаянии? Разве не стискивал житейскими обстоятельствами, пытаюсь направить к Себе, словно уздой и удилами, когда вы не хотели приблизиться?» Итак, если мы, будучи проведены через столько ступеней, по-прежнему пребываем нечистыми, то что же остается, кроме вечного погружения в пучину карающего пламени? Ведь пророческий дух воспевает милость и суд, принадлежащие Господу; но милость изобилует здесь, тамошний же суд лишен всякой примеси милости и готов обрушиться на виновных реки огня. Там мы будем разделены надвое, согласно божественному гласу, и, сколько бы ни старались стучать в закрытую дверь чертога брачного, говоря: «*Господи! Господи! отвори нам,*» — услышим в ответ: «*Не знаю вас*» (Мф. 25, 11–12). И еще: «*Идите от меня, проклятые, в огонь вечный*» (Мф. 25, 41); и вот это: «*Негодного раба выбросьте во тьму внешнюю*» (Мф. 25, 30).

12. Слышите глаголы праведного и сурового суда? Так вострепещем, услышав, чтобы не оказалось, что время милости потрачено нами напрасно. О, если бы напрасно, а не на скверные дела, которые приуготовляют нам гнев в день гнева, откровения и правосудия Божия! Сказано: *Во время приятно послушах тебе и в день спасения помогах ти* (Ис. 49, 8). Ныне время приятное для милости, ибо и по сию пору восседает Христос на троне благодати, ожидает приходящих, и припадающим к нему дарует милость. Когда же воссядет Он на судейском троне, тогда уже не будет время благоприятным для милости, не будет ни дня спасения, ни помощи, но страшный суд и ревность огня, который должен пожрать супостатов. И как известны нам два трона, трон благодати и трон суда, так и огней два: очистительный и карающий. Первый служит Богу в этом мире для очищения, второй

же — в тамошнем для кары, как это явствует из речений Писания: *Зане той входит яко огонь горнила и яко мыло перущих, и сядет разваряя и очищая яко серебро и яко золото* (Мал. 3, 2–3). Вот каков очистительный огонь; о карающем же можно услышать от того же пророка: *Яко се, день грядет горящъ яко пещь, и поалит я, и будут вси иноплеменницы и вси творящии беззаконие яко стеблие, и возжжет я день Господень грядый* (Мал. 4, 1). Ныне восседает Господь на троне благодати, и дарует отпущение нечестий тем, кто очищается либо добровольными трудами (ибо это и есть *мыло моющихся*: ведь всякое добровольное дело менее трудно, хотя по своему и мучительно), либо в горниле невольных несчастий, которое намного тягостнее, поскольку вытапливает из души всякую скверну, словно примесь меди или свинца из сияющей золотом красоты образа Божия.

13. Поскольку же настало время очищения, давайте очищаться добровольно, убеляясь, словно *мылом моющихся*, постом и сопутствующими ему исповедью, молитвой и добротой к бедным, по слову Даниила: *грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих* (Дан. 4, 24). Если же и окажемся заброшены в очистительный огонь искушений ради очищения, хотя бы и невольного, то не будем ни отчаиваться, ни жаловаться на свои несчастья, ни изнемогать от того, что нас наказует Господь. Ведь ценой малого наказания мы приобретаем великие блага. Так что скорее стоит плакать, когда Бог не наказывает нас, словно незаконнорожденных детей, растущих без всякого воспитания, и, значит, откладывает на будущее еще более болезненное очищение. Щадя свою немощь, мы обращаемся к Богу с такою просьбой: *Искуси мя, Господи, и испытай мя, разжжи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2), — хорошо зная, что, если не сумеем ни *мылом моющихся*, ни *огнем горнила* очистить в настоящей жизни приставшую к нам грязь, то за ними, конечно, последует грядущий день, словно горящая пещь. И что тогда ждет нас, несчастных, если мы не принесем с собой ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, но будем ввергнуты в пучину огня, нагруженные деревом, травой и тростником, или, вернее, сами вместо этого обратившиеся в стебли тростника, как сказано: *и будут вси творящии беззаконие яко стеблие* (Мал. 4, 1)?

14. Впрочем, слыша о тростнике, не думайте, что он сгорает и исчезает, обращаясь в пепел: ибо хорошо было бы для людей лукавых либо не родиться вовсе, либо, однажды родившись, сгореть в огне и обратиться в ничто. Здесь же мы гореть будем как тростник, но не сгорим, вечно пребывая невредимыми и до бесконечности подвергаясь заслуженному наказанию. Да и всякий, полагаю, поверит, что гореть мы будем вечно, словно тростник, но не сгорим, если вспомнит, что и купина горела неугасимо, и на прекрасных телах отроков в печи не пострадало ни единого волоска. Разве не была купина нетленной, как и тела святых отроков? Так и тела всех тех, кто восстанет, не только для жизни, но и для кары, впредь будут нетленными вовек, так что не смогут пострадать от огня. Итак, достойно удивления, хотя, как было показано, и не является вовсе невозможным, чтобы тростник, горя, не сгорал; но еще удивительнее, что тростник способен превра-

тяться в золото. А ведь и в этом не усомнится ни один человек, обученный вещам божественным. Ибо если *творящие беззаконие будут яко стеблие*, то, конечно, поступающие по закону обратятся из тростника в золото с помощью покаяния.

15. Разве любостяжатель, распутник, хулитель, пьяница, чревоугодник — это не горячий тростник? Ибо они изгоняются из Царствия, не получив доли, и ввергаются в геенну огненную, да и теперь уже их постепенно охватывают языки этого пламени: одного неугасимое стремление приобрести побольше, другого пламенная страсть к телам, третьего вспышки наглого и дерзостного языка, четвертого палящий жар вина и ненасытность чрева. Однако каждый из них может обратиться к противоположному состоянию и преобразиться: первый — в драгоценный камень (ведь *драгая вещь муж творяй милость* (Притч. 20,6)), второй — в золото, сияющее целомудрием, а иные — в иное противоположное состояние. Ведь если мы по своему небрежению переменяемся от естественного блага к противоестественной скверне, то отчего бы не воссоздать в себе врожденное состояние путем трезвения? Мы, созданные по образу Божию, уподобляемся бессмысленным скотам или лукавым зверям: львам рыкающим, ржущим коням, неразумным мулам, хитрым лисам, хищным волкам, *псам немым* (Ис. 56, 10), пятнистым леопардам или змеям, порождениям ехидниным⁵; так что же трудного из подобного зверского или скотского состояния вновь сделаться людьми, если только мы этого пожелаем? Для того-то и Бог вочеловечился и проповедовал покаяние, чтобы не только озверевшие люди пришли в себя, но и человек мог сделаться богом. В этом смысл воплощения Божия, тогда, как провозвестили пророки, *пастися будут вкупе волк со агнцем, и рысь почитет со козлицем... и лев аки вол ясти будет плевы*, змий же землю аки хлеб (Ис. 11, 6–7). Этому же учит и полотно, явившееся во сне первоверховному апостолу Петру, в котором *находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные* (Деян. 10, 12), которые, как очищенные Богом, уже не могли служить источником осквернения.

16. Таков и предмет настоящей беседы, ибо не ради любви к рукоплесканиям я решился напрягать свои легкие. Да и что мне явить такого, как у софистов, жадных лишь до людской похвалы, которые по этой причине привлекали слушателей искусными ухищрениями языка? А мне будет довольно рукоплесканий, и я сочту вознаграждение за беседу достаточным, если смогу убедить прийти в себя кого-либо из тех, кто блуждает в стороне от прямого пути. Ибо какой шум издают любители красноречия софистов, слыша их болтовню, такова *бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 10); если же об одном, то, конечно, много более о двух или четырех, тридцати, шестидесяти, или сотне, или же целом народе, и народе многолюдном. Ведь и целый народ может покаяться, если того пожелает. Рассудите о том, как великая Ниневия вдруг покаялась вся, до последнего человека; конечно, и мы, если бы захотели, могли бы покаяться и обратиться в иных людей, отличных от тех, какими являемся теперь. Нужно только познать самих себя и степень своей болезни, чтобы не ошибиться в самих себе.

Люди ведь, будучи самолюбивыми, ошибаются в своих суждениях, и воображают о себе совсем не то, что есть на самом деле, подобно душевнобольным, которые, страдая тяжелейшим недугом, полагают, что здоровы, а когда их пытаются лечить, то сопротивляются этому, как будто их мучают напрасно. Итак, познаем самих себя и свое состояние, а потом уже постараемся изменить его к лучшему.

17. Итак, пусть все услышат глас проповеднического слова. Пусть каждый, слыша мою проповедь, заглянет в глубины своей совести и, сам для себя сделавшись неподкупным судьей, познает себя и поймет, каков он. Я же говорю: если кто надеется до отвала, пусть знает, что сделался из человека скотом. Кто сходит с ума из-за женщин, того можно назвать ржущим конем, точно так же, как львом и волками грабителей, собаками — тех, кто бесстыдно лается бранными словами или же тайно кусает с помощью клеветы, лисами людей коварных. Змеи суть те, чей дух подобен змеиному, а также порождения ехиднины — матереубийцы; скорпионы — те, кто норовит ужалить; леопарды — те, кто отличается непостоянством. Птицами же являются люди легкомысленные и хвастливые, окрыляемые то тем, то иным желанием; а из их числа ястребы, коршуны и прочие хищные птицы с кривыми когтями суть те, кто налетает на низших, вороны и совы — насмешники и хулители, галки же — это беспокойные предводители черни и вздорные бунтовщики, которые быстро сбиваются в шумную толпу, но еще быстрее рассеиваются в страхе, если кто-нибудь сделает вид, что собирается выстрелить из лука или бросить камень.

18. Ибо стоит человек промеж двух крайностей, божественности и зверского состояния, и, будучи причастным добродетели и пороку, настолько же уподобляется Богу или зверю, насколько приобщился к тому или другому. Или, вернее, спокойно вкушающий от обоих начал есть человек плотский; тот же, кто стойко держится лишь одного, либо сделался духовным и возшел к божественности (если это добродетель), либо превратился в плотского и впал в зверское состояние. И вот примеры: зверской жизни — языческое самоуправство, человеческой — государство, устроенное по закону, боговидной же — евангельское любомудрие. И пророческий голос свидетельствует о том, что человек-язычник должен из крайности порока или зверства вернуться к законной и человеческой жизни: *Постави, Господи, законоположителя над ними, да разумеют языцы, яко человецы суть* (Пс. 9, 21). Христос же, возводя человека от закона к небесному божеству, говорит: *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). И еще: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

19. Давайте же посмотрим, насколько евангельская справедливость превосходит законную, не говоря уж о том, насколько законная превыше языческого беззакония. Об этом можно судить, сопоставив свойственные каждому устройству образ жизни и обычаи. Ибо у язычников были в обычае дикое и беспорядочное сожитие и кровосмесительные связи; подвластным закону было предписано: Че-

ловец ко всякому ближнему плоти своя да не приступит (Лев. 18, 6); евангельское же любомудрие говорит: *хорошо человеку не касаться женщины* (1 Кор. 7, 1), ибо таким образом он приблизится к тому, чтобы *ни жениться, ни выходить замуж, но пребывать, как Ангелы Божи* (Мф. 22, 30). Далее, живущим без закона свойственно гневаться, как змию, живущим по закону — *гневаться и не согрешать* (Пс. 4, 5), тем же, кто превыше закона — пребывать в кротости без всякого гнева. Ведь одним положен закон: *Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего* (Мф. 5, 43), другим же предписано: *любите врагов ваших* (Мф. 5, 44). Ну а языческому зверству свойственно идти войной даже на родственников и друзей. Что же до мести, то у язычников принято платить вдвое и вчетверо, а у тех, кто под законом — *око за око и зуб за зуб* (Мф. 5, 38): ведь это человеческое свойство — воздавать равным за равное, зверское же — умножать воздаяние во много раз, и насыщаться мстью, пока возможно. Сущность же нашего Евангелия в том, чтобы не только не противиться, но и делать добро творящим зло, и вознаграждать молитвою оскорбления и преследования, благословением же — проклятие.

20. Но что перечислять все свойства трех образов жизни, то есть божественности, человечности и зверства? Довольно того, что пост есть нечто божественное, воздержание — человечество, а насыщение чрева — звериное. Точно так же зверю свойственно обижать других, человеку — стремиться не причинять и не испытывать несправедливостей, сверхчеловеческое же и евангельское качество — не только не чинить несправедливостей, но и с любомудрием воспринимать их, одерживая верх над обидчиками в проявлении великодушия: удвоить пройденное по принуждению поприще, для требующего верхнюю одежду снять и рубашку, к ударившему по правой щеке обратить и левую. Ведь тогда лицо не наполовину, а всё целиком уподобится владычнему в своих страстях, освятившись благодаря многоценной дерзости [обидчика], так что десница Всевышнего сделает его равноценным с обеих сторон, поскольку левая щека, добровольно обратившись навстречу удару, обрела равную честь и пострадала наравне с правой, показав тем самым, что и страдание другой щеки не было невольным.

21. Вот каковы сии три образа жизни; теперь же пора задать вашей любви один вопрос. Но не обижайтесь на меня, ибо то, о чем надлежит сказать — истинно, хотя, быть может, тягостно и болезненно; вы же окружаете меня сейчас не для того, чтобы, очаровав свой слух, унести это наслаждение домой, но чтобы приобрести некую пользу для души. Итак, я спрошу: какую жизнь вы знаете, — или, вернее, мы знаем, ибо я обращаю этот вопрос и к самому себе — за собой? Духовную и боготворящую, или устроенную сообразно закону, ради воспитания, или, наконец, языческую и самоуправную? Знаю, что вы громко вскричите от недовольства: ведь слишком очевидно, что вас, детей Евангелия, я сравниваю с находящимися под рабским ярмом закона или и вовсе беззаконным язычникам. Итак, вы не согласны отказаться от чести быть сынами Божьими, возрожденными в вере? Что ж, это прекрасно, и да будет так. Однако, коль скоро мы взяли рас-

суждать о своем состоянии, я не в силах скрыть очевидное. И как сказано: «глас убо, глас Иаковль, руце же, руце Исавове» (Быт. 27, 22), так и мы дали обетование стать новыми людьми и совлечь ветхого человека, облекшись во Христа, жительство же иметь на небесах, в качестве сотрапезников и сонаследников Христовых, причастников боготворящего духа сыноположения. О, сколь громкие звания, достойные евангельского громогласия! Повседневные же деяния рук либо (стыдно сказать) уподобились подзаконному раболепству, либо, что намного постыднее, приближаются к языческому зверству.

22. Впрочем, я умолчу об их и нашем целомудрии, ибо о том, что совершается втайне, стыдно и говорить вслух. Но что вы скажете о справедливости? Что сможем сопоставить с праведными делами италийцев, или, тем более, измаильтян? Ибо они, они, совершенно непричастные Христу, скорее убедят нас устыдиться, как острова Хеттиим древний Израиль (Ис. 2, 10), а Ниневитяне — современников Христа. Ведь кто же не слышал об их справедливости, и кто может сомневаться в точности их весов правосудия? Все признают, что в этом отношении их дела несравнимы с нашими и отстоят от них настолько же, насколько закон от самоуправства и справедливость от дел неправедных. А как насчет верности обязательствам? У кого клятвы прочнее — у нас, или у скифов? И это притом, что христиане скрепляют свои клятвы святым Евангелием и честным крестом, у скифов же их подтверждением служат надутая воздухом шкура, привешенный к ней пучок травы и собака, которую пополам рассекают мечом? Однако столь смешные вещи обеспечивают у них большую надежность, чем у нас — самые почтенные и внушающие величайший трепет.

23. Но что говорить о клятвах, когда слова «да» или «нет» служат у них клятвенным обязательством, чтимым для всех? Ведь если кто-то из них дарует иноплеменнику жизнь и в знак того вручит ему стрелу, такого человека все пропускают без всякого ущерба или злого умысла, как если бы тот пронесся над ними, восседая на этой стеле, подобно баснословному Абариду⁶. С этим, скорее всего, следовало бы сравнить договоры христиан и рукописные грамоты; но разве они служат таким же доказательством верности? И пускай ссылаются на их кочевую жизнь, которая проходит на повозках, прибавив к этому и упрек в употреблении в пищу кобыльего молока и конины, а при желании и то, что они не едят хлеба, не пьют красного вина, и не знают льняных или шелковых одежд, а облакаются в шкуры. Или, может быть, кто-то обвинит их и в том, что они не берут приданого, а дают брачный дар (как будто брак заключается ради приданого, а не рождения детей), а также не верят крючкотворам, которые вплетают в свои грамоты кучу всяких житейских неурядиц и предположений: «если такой-то умрет бездетным», «если случится то-то и то-то»? Я же весьма восхищаюсь всеми этими обычаями, как благородными и древними.

24. Если же кто и назовет их самоуправство свойством варварской дикости, то и это обернется в нашу пользу, коль скоро у столь диких и звероподобных людей

и строгое соблюдение договоров в обычае, и истина в почете, и образ питания принят строгий, и жизнь, суровая и самостоятельная, свободна от всякой мелочной торговли и немногим отличается от жития божественных мужей, которые некогда обитали в палатках? У нас же всё устроено противоположным образом, хотя мы, будучи не только людьми мирными и кроткими, но и поклонниками и почитателями истины, обязаны не испытывать нужды в клятве для доверия, а довольствоваться одними только «да» и «нет», так что эти слова, к месту сказанные, должны быть крепче всякого обязательства, а также не искать града здесь и не изнурять себя чрезмерным и прихотливым питанием. Ведь Бог обещал, что мы не будем никогда испытывать ни голода, ни холода, залогом чего служат птицы и лилии, которые питаются, не сеяв, и одеваются, хотя не ткут. И все эти заповеди скифы чтут, словно некое отеческое и природное наследие, и исполняют как само собой разумеющиеся; мы же, которым они предписаны и евангельским законом, отвернулись от них.

25. Впрочем, не буду приводить в пример все хорошие обычаи разных народов: ведь для этого моей речи пришлось бы перемещаться из Скифии в различные другие отдаленные варварские земли. Добавлю лишь одну вещь, которую сообщают почитать все племена, чтобы показать, насколько мы уступаем им в важнейших добродетелях. Что же это такое? Благо согласия и единодушия, которое Христос завещал своим ученикам как их отличительную черту и явный признак, ибо оно соединяет в себе целый закон и всех пророков и зовется союзом совершенства. И вот язычники, не имеющие закону, настолько чтят природу, что готовы даже умереть за соплеменников, пребывая в большей любви, нежели разумные чада евангельского учения. Мы же, дети христиан, настолько же соединены в общее тело, глава коего — Христос, и связаны общностью законов, обычаев, упований, верований, государственного устройства, насколько разобщены во взаимной любви и дружеских отношениях. Мы, сограждане и сотрапезники, враждебнее самоуправных кочевников, как если бы эта взаимная ненависть была изначальной. Мы живем в одних и тех же городах; но они, если уж случится разделить стол с иноплеменниками, впредь щадят их и нерушимо хранят данные им обещания; мы же, которые много раз в году вместе причащаемся не только общей, но и страшной и таинственной трапезы, гневаемся друг на друга, завидуем счастливым, радуемся чужим несчастьям, злоумышляем, злословим и злодействуем, являя еще большую дикость, чем самые варварские племена. Ведь они, если и можно причинить зло иноплеменникам, не делают этого из уважения к общей трапезе; мы же, только что причастившись⁷ духовной трапезы, либо сразу обижаем единоплеменных сотрапезников, либо сохраняем гнев на будущее, до подходящего случая.

26. Видите, други и братия, куда незаметно соскользнула наша речь? Теперь надлежит вернуться к тому, о чем мы говорили, и от чего уклонились сильнее, чем собирались. Ведь предполагали мы показать, что, в то время как жизнь имеет

три вида: божественная, человеческая и зверская, то есть евангельская, законная и языческая, мы, давшие обетование избрать жизнь евангельскую, не только отпали от законной справедливости, но докатились даже до языческого зверства; а оказалось, что кое в чем мы будем похуже и самих язычников. Итак, какой же многослезный Иеремия оплачет по достоинству тех, кто был не уведен из Иерусалима ассирийцами, но переселился из страны евангельского любомудрия к столь чуждым делам, превосходящим и меру языческого самоуправства? А ведь мы настолько же несчастнее древнего Израиля, насколько отпадение от евангельского жития страшнее выселения из Иерусалима, а увлечение чужеродными нравами достойно большего сожаления, нежели несчастье быть угнанными на чужбину. Так что нам понадобилось бы много плачущих, подобно Иеремии, которые нуждались бы в возлиянии многих вод на свои головы и тьмах источников слез, чтобы сложить плач, сообразный нашим несчастьям.

27. Однако, братия, не должно из-за этого отчаиваться и разочаровываться в себе, как если бы у нас больше не оставалось никакой благой надежды. Ибо не для того мы показали в своей речи, в какую глубину зол впали, чтобы, пренебечь этим, словно люди, которым не на что надеяться, но, напротив, чтобы от этого знания вспыхнуть, подняться на ноги, прийти в себя и ухватиться за евангельскую жизнь, которую без всякого принуждения оттолкнули. Ведь хотя мы, как было сказано, и претерпели худшее пленение, чем древний Израиль, но и вернуться назад сможем быстрее него, если только пожелаем. Ведь они, с трудом и по прошествии семидесяти лет избавившись от вавилонского рабства, только тогда вернулись в Иерусалим, опять-таки не без трудов и страданий. Не говоря уж о прочем, сколько равнин, гор и судоходных рек лежит между Вавилоном и Иерусалимом? Мы же не до такой степени состарились в чуждых нравах, а потому нет нужды и возвращаться ценой подобных затруднений. И пусть даже некоторые из нас в такой же мере закоsnели во зло: даже для них возвращение к добру является легким. Ибо пороки недалеко отстоят от добродетелей, и переселиться от первых ко вторым можно быстро. *Тако глаголет Господь: егда возвратишися вздохнеши, тогда спасешися и уразумеши, где еси был* (Ис. 30, 15).

28. О, сколь быстро и доступно спасение! Вы слышали, что возвращением и плачем спасается человек, и, спасенный, понимает, где он был. Что же быстрее возвращения, что легче плача и происходящего из него спасения? Итак, возвратимся, братия, ибо природа наша переменчива; возвратившись, заплачем, заплакав, спасемся, а спасшись, уразумеем, где были: позволили ли увлечь себя в древность дел закона, или же в языческое зверство. А узнав, что сделались сыновьями-отступниками, вернем себе былое благородство путем возвращения. И пусть зверообразный делается человеком, а человек достигнет обожествления: ибо это возможно. Твое лукавство преобразило тебя в змия? Вспомни, как посох Моисеев обратился в змия, но потом из змия обратно стал посохом, и обратись сам, избавившись, как от старой кожи, от того, чтобы *блюсти пята* (Быт. 3, 15), кусая и

впрыскивая яд, но подражая его мудрости в сочетании с голубиной кротостью. Или ты сделался *конем женонеистовым* (Иер. 5, 8) или мулом? Прими данные Христом удила, и, оставив разнузданную скачку, радуйся лучше наморднику девства или узде супружества, стискивающим твои щеки. Пусть воссядет на тебе Христос, правящий тобою через освящение и спасение. Пусть смирятся волк и лев, отказавшись от растерзания несчастных; пусть леопард и лисица сменят свой изменчивый и коварный нрав на простой. Пусть тот, кто уподобился собаке, извергнет на исповеди привычку лаять и кусать исподтишка, и никогда не возвращается на сию блевотину. А сластолюбец пусть воздерживается от блуда, пусть не погружается в наслаждения, как свинья, что купается в грязной луже.

29. Таким-то образом мы, уподобившиеся неразумным скотам, можем из зверей подняться до истинно человеческого достоинства. Из людей же можно быть возведенными и в состояние сыновей Всевышнего, если не только воздерживаться, но и голодать, не только не касаться женщины, но и в сердце не прелюбодействовать нечистым взглядом, не только не похищать чужое, но не останавливаться перед раздачей своего, не только не мстить обидчикам, но и делать им добро и любить ненавидящих нас. Ведь всякому надлежит знать, что, *как если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5), так и тот, кто родился, но отрекся от своего сыновства, не может возродиться иначе, как от воды слез и духа сокрушения. Но нам не хватает воды слез? Да, — говорю и я, — не хватает. Но помолимся Богу, обратившему *камень во езера водная и несекомый во источники водных* (Пс. 113, 8): «Обрати и наши лишены влаги сердца в слезные потоки». Пусть и память смертная станет новым моисеевым посохом, который, ударив в каменную твердь сердец, отворит источники слез. Пусть добавится к этому и человеколюбивая милость, другой очищающий поток, как сказано: *Подавайте милостыню..., тогда всё будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Если же слезы и милость сольются воедино, они уподобятся источнику первоначального крещения.

30. Великим вкладом сюда является и покой, очищающий душевный взор от тщетных забот, как от дыма и пыли, и позволяющий яснее осмотреть себя, как сказано: *Упразднитесь и разумеите* (Пс. 45, 11). Итак, отдохнем от бесконечных и пустых дел; в течение краткого времени поста *упразднимся и уразумеем*, что мы — многогрешные люди, которые никак не могли избежать осквернения делом или словом, слухом или зрением, или лукавыми сердечными размышлениями. Подумаем о том, сколько и каких грехов совершили от рождения до сего дня. Мы, несчастные, зачаты в беззаконии и его же творим, ухватившись за настоящую жизнь, лишены всякого блага, нагруженные же прегрешениями всей своей жизни, которые тем временем накапливаются пред лицом Божиим, как сказано: *Не сия ли вся собрашася у Меня и запечатлешася в сокровищах моих?* (Втор. 32, 34), так что не будет упущено ни малейшее из них, *ниже верх влас преходящих в прегрешениях своих* (Втор. 67, 22). А тогда они окружают несчастную душу, как гово-

рит пророк: *Беззаконие пяты моей обыдет мя* (Пс. 48, 6). Ибо сейчас мы, постоянно лишенные покоя, забываем о грехах или по иной причине пренебрегаем ими; тогда же книги, раскрытые свидетели совести, представят нашему взору все до единого прегрешения, сообщая их способ, место и время, и избличая, подобно жестоким обвинителям, самые наши помыслы. И заговорят тогда свидетели, которых не заставишь замолчать: наияснейшие образы содеянного, четко и глубоко выжженные на душах.

31. Итак, *упразднимся и уразумеем* благодаря покою, что, как некоторое время назад произошли на свет из небытия, так и спустя недолгое время обратимся в прародительницу землю, и вновь восстанем для того, чтобы держать ответ за прожитую жизнь вместе с тем телом, в котором жили. Уразумеем, что почти отчаялись и находимся в безнадежном положении, но не настолько безнадежном, чтобы нельзя было использовать это время поста для раскаяния, стенаний, бие-ния в грудь; нельзя было уязвлять сердце памятью смертной, источать слезы, поститься, преклонять колени, исповедовать беззаконие, стараться заслужить милость собственной милостью. Ибо хорош и телесный пост, и воздержание, сестра поста, и подпевающее им псалмопение, и постоянная спутница молитва, и исповедь тайного, и радостное даяние, и мрачный плач, и глубокие вздохи — дым, свидетельствующий о внутреннем пламени, и прочие достойные знаки покаяния: раздиране одежд, сопутствующее раздиранию сердца, или когда человек подстилает рубище либо препоясывает им чресла, употребляет в пищу пепел вместо хлеба либо посыпает им голову, низко склоняет шею, взгляд же имеет смиренный, не дерзая даже взглянуть на небо, как будто этого недостойн. Но ничто не ценится так, как избегание того, чего должно избегать и стремление того, к чему должно стремиться, или, по слову Давида, уклонение от зла и творение блага.

32. *И виде Бог дела Ниневитян* (Ион. 3, 10). Какие же дела? Не то ли, что они *заповедаша пост* (Ион. 3, 5), и *облекошася во вретница*, и *возопиша прилежно к Богу* (Ион. 3, 8)? Нет, не говорит об этом Писание, но о том, что они *обратишася от путей своих лукавых* (Ион. 3, 10). Эти-то дела и узрел Бог — дела большие и великие, достойные быть увиденными Богом, — и одно только их отвращение от зла. Вот что отвратило божественное решение, вот что удержало Ниневию от разрушения и сохранило ее на лице земли; вот чему уступила истина пророчества, чтобы рассыпаться в прах.

33. Итак, чтобы не осудили и нас мужи ниневитяне, поверим евангельской проповеди, как они — пророческой, и в то время, как жизнь наша уже подвергается разрушению, обратимся от путей наших лукавых: раб своего чрева — от его обожествления, блудный — от превращения *членов Христовых* в *члены блудницы* (1 Кор. 6, 15), любостяжатель — от своего идолослужения, любитель богатства — от стесняющих его терниев забот, несправедливый — от ненависти к собственной душе, вор — от беспутного пути своего, лукавый сосед — от привычки прилагать дом к дому и поле к полю и вступаться в сиротские владения, братонена-

вистник — от братоубийства, завистник — от печали по поводу благоденствия добрых людей, злорадный — от того, чтобы наслаждаться несчастьями братьев, драчливый — от наслаждения враждой, мятежник — от того, чтобы устремляться к пороку вместе с толпой, клятвопреступник — от своего греха, отпетый негодяй — от лжи и лжесвидетельства, ростовщик — от того, чтобы разорять нуждающихся своими процентами и забирать прибыль, славлюбивый — от своего пристрастия, гордец — от превозношения над остальными.

34. Впрочем, все лукавые тропинки, ведущие в преисподнюю, можно представить вместе в виде единого пути, от которого они и берут начало. Итак, все вместе уклонимся от широкого пути, направленного в сторону гибели, и ухватимся за противоположный ему, ведущий к жизни. И этот путь тоже разветвляется на множество дорог, так что каждый из нас может направиться по одной, другой, или иной, подходящей для него, чтобы достичь наконец одной из тех блаженных обителей, которых да причастимся и мы во Господе нашем Иисусе Христе, Которому слава, честь и держава вечная. Аминь.

Комментарии

¹ «Законы геометрии» (γεωμετρικὰ ἀνάγκαι) — устойчивое выражение, служившее для указания на то, что некий тезис в рассуждениях может быть обоснован столь же надежно, как и геометрические теоремы (см. напр.: Plutarchi moralia. Vol. 6.2. Leipzig, 1959. P. 1122D Stephanus; Grégoire de Nazianze. Lettres théologiques / Ed. P. Gallay. P., 1974 [Sources chrétiennes 208]. Epist. 101, 53).

² Выражение несколько раз встречается у Гомера [Hom. II, XI, 270; XVI, 187; XIX, 103]. Илифия — древнегреческая богиня, покровительница рожениц.

³ Имя «Израиль», подходящее по смыслу пассажа, читается в позднейшем списке (Син. Греч. 262). В древнейшей рукописи на этом месте стерто несколько букв: сохранились лишь начальное і, тупое ударение и горизонтальная черта, служащая знаком имени собственного. Возможно, первоначально здесь ошибочно стояло ἰαχὼβ.

⁴ Учение Оригена об апокатастасисе (всеобщем спасении грешников), было осуждено на Александрийском соборе 1399 г., а затем последовательно на V, VI и VII Вселенских соборах (см. об этом: Иванов М.С. Апокатастасис // ПЭ. Т. 3. С. 39–46).

⁵ Сходная подборка анималистических образов Священного Писания содержится у Михаила Пселла: «Итак, в настоящей жизни божественное Писание именуется нас по причине сходства и псами немymi (Ис. 56, 10), и вепрями от дубравы, и уединенными дивими (Пс. 79, 14), и конями ржущими (Иер. 5, 8), применительно же к иной жизни ангелами, чадами Божьими и даже богами» [Michaelis Pselli philosophica minora // Ed. J.M. Duffy. Leipzig, 1992. Op. 44:43].

⁶ Абарис — согласно греческой мифологической традиции, жрец Аполлона, скиф или гипербореец родом, посетивший Грецию во время третьей олимпиады. По одной версии, Абарис перемещался по воздуху с помощью стрелы, по другой, переданной, в частности, Геродотом (Her. Hist. IV, 36), — всего лишь держал ее в руке как знак Аполлона.

⁷ Михаил Хониат использует редкую форму *λάξαντες*, производную, видимо, от глагола *λαγχάνω* («получать в удел»). В античной литературе данное причастие (в форме именительного падежа единственного числа мужского рода *λάξας*) встречается лишь в поэме Ликофрона «Александра» [Lucophr. Alex. 137], где оно также сочетается с дополнением *τράπεζαν*. Другие формы сигматического аориста от *λαγχάνω* не зафиксированы (лишь лексикон Гезихия дает инфинитив *λάξασθαι* с толкованием *κληρώσασθαι* [Hesychii Alexandrini lexicon / Ed. K. Latte. Vol. 1–2. Copenhagen, 1953–1966. Λ 280]). Любопытно, что аналогичная аллюзия на сочинение Ликофрона встречается и в «Истории» Никиты Хониата [Nic. Chon. Hist. P. 305:22].